

АБДЕРИТЫ.

КНИГА ВТОРАЯ,

или

Иппократ въ Абдере.

ГЛАВА I.

Разсужденіе о Демокритѣ, до его качествъ и Философіи относящееся, о которомъ просимъ Читателя, чтобъ онаго не пропустилъ.

Не извѣстно намъ, какія Демокритомъ употреблены средства, для избавленія себя отъ любопытныхъ женщинъ. Довольно того, что

сїи примѣры объясняютъ намъ, какимъ образомъ единой токмо случайной вымыслъ могъ подать поводъ пронести о невинномъ испытателѣ природы такую славу, что будтобъ онъ былъ столько Абдеритъ, что всѣмъ сказкамъ, кои онъ говорилъ глупымъ своимъ единоземцамъ, самъ вѣрилъ. Тѣ, которые попрекали его въ семъ, ссылаются на его сочиненїя. Но еще задолго до временъ Витрувїя и Плинїя множество поддѣланныхъ книжекъ съ великолѣпными заглавїями ходили по рукамъ подъ его именемъ. Извѣстно, сколько сей родъ обмана свойственъ былъ праздымъ Грекуламъ (Гречонкамъ) позднѣйшихъ временъ. Имена *Гермеса Трисмегиста*, *Зороастра*,

стра, Орфея, Пиѳагора, Демокрита, были столь достопочтенны, что подъ оными можно было продавать уродливыя порожденія безмозглыхъ головъ; особливо послѣ того какъ Александрійское Философское училище привело магію въ нѣкоторой родъ всеобщаго уваженія, и въ Ученыхъ поселило вкусъ, придавать себѣ у безграмотныхъ такой видъ, какъ будтобъ они были сильные чудодѣи, обрѣтшіе ключь къ духовному міру, для которыхъ уже во всей природѣ не было ничего сокровеннаго. Абдериты приписали Демокриту волшебство, поелику они понять не могли, какъ не будучи чародѣемъ, столько знать можно, *сколько они — не знали*; и

позднѣйшіе обманщики смастерили подъ его именемъ волшебныя книги, дабы помянутою славою воспользоваться у безтолковыхъ своихъ современниковъ.

Вообще Греки были великіе охотники дурачить своихъ Философовъ. *Аѳиняне* надрывались со смѣху, когда острой шутъ Аристофанъ увѣралъ ихъ, что *Сократъ* облака почиталъ богинями, измѣрялъ, на сколько блохиныхъ футовъ вышиною можетъ вспрыгнуть блоха (*), и что когда намѣревался

(*) Нѣтъ ничего возможнѣе, какъ то, что Сократъ дѣйствительно сказалъ что нибудь такое, подавшее случай къ оной нелѣпости. Онъ можетъ быть въ компаніи, гдѣ рѣчь бы-

ся углубиться въ размышленія, то велѣлъ вѣшать себя въ корзинѣ, дабы притяга-

 тель-

была о величинѣ и малости, примѣтилъ заблужденіе, въ которое впадаютъ, говоря о великомъ и маломъ, какъ о существенныхъ свойствахъ, и не разсуждая, что зависитъ единственно отъ мачтаба или размѣра, велико ли что должно быть или мало. Онъ могъ шуточнымъ образомъ сказать: что не справедливо скочекъ блохи измѣрять по Аттическому аршину; но для сравненія упругости блохи съ упругостію скакуна изъ людей, надлежитъ размѣромъ взять не человѣческой футъ, но *блохинъ*, естьли впрочемъ хотѣть *блохамъ* отдать справедливость — и тому подобное. Стоило только Абдериту быть въ той компаніи, и мы можемъ достовѣрно принять, что онъ помянутыя слова, какъ сущую нелѣпость, выговоренную Философомъ, пересказалъ по томъ другимъ по собственному своему манеру; и хотя Ари-

тельная сила земли не вбирала въ себя его мыслей, и проч. и имъ казалось чрезвычайно забавно, отъ такого мужа, которой имъ всегда говорилъ правду, слѣдовательно не рѣдко и досаждалъ, слышать по крайней мѣрѣ на театрѣ вздорныя ученыя глупости. И какъ же *Дiогенъ*, (которой между подражателями Сократовыми еще всѣхъ болѣе придерживался своего под-

Аристофанъ могъ понять, что Сократъ сказалъ что нибудь умное, однакожъ для человѣка съ его ремесломъ, и для намѣренiя его, привесть Философа въ посмѣянiе, уже довольно было, чтобъ сему замыслу дать такой оборотъ, чрезъ которой онъ сдѣлался способнымъ на минуту надорвать животы Аѳинянъ, кои (исключая вкусъ и остроту) были нарочитые Абдериты.

подлинника) не долженствовалъ подвергнуться худымъ поступкамъ сего народа, которой толь охотно тѣшился? Даже вдохновенный *Платонъ* и глубокомысленный *Аристотель* не обошлись безъ порицанія, чрезъ которое старались поровнять ихъ съ большею толпою повседневныхъ вралей. И такъ удивительноли, что и съ тѣмъ послѣдовало не лучше, кто столько былъ дерзокъ, что среди Абдеритовъ имѣлъ разумъ?

Демокритъ смѣялся иногда, какъ и всѣ мы, и можетъ быть, живучи въ Коринѳѣ, или въ Смирнѣ, или въ Сиракузахъ, или въ другомъ какомъ мѣстѣ, смѣялся бы онъ не болѣе, какъ и всякой честной

человѣкъ, которой по довольной причинѣ или по тѣлосложенію своему чувствуетъ себя болѣе расположеннымъ, глупости людскія осмѣивать, нежели оплакивать. Но онъ жилъ между Абдеритами. Сіи имѣли обычай, всегда дѣлать что нибудь такое, чему смѣяться, или о чемъ плакать, или за что сердиться надлежало; и *Демокритъ* смѣялся, гдѣ *Фокіонъ* наморщилъ бы лобъ, *Катонъ* взыскивалъ бы съ строгостію, и *Свифтъ* грозилъ бы бичемъ. И такъ въ бытность его чрезъ довольно долгое время въ Абдерѣ могъ ему сдѣлаться свойственнымъ иронической видъ; но чтобъ онъ въ буквальномъ смыслѣ всегда хохоталъ изо всей мочи, такъ какъ одинъ

стихотворецъ, которой вещи любитъ увеличивать, говоритъ о немъ (*), сего по крайней мѣрѣ никтобъ не долженъ былъ молоть въ прозѣ.

Однако сїе порицанїе еще ничего не значитъ, особливо когда толь славной Философъ, каковъ *Сенека*, Демокрита въ семъ случаѣ оправдываетъ, и даже находитъ подражанїя достойнымъ.

„Мы должны о томъ „стараться, говоритъ *Сене-* „*ка* (**), чтобъ глупости всѣхъ „вообще и каждаго въ особли- „вости въ толпѣ народной, „не казались намъ ненавист- „ными, но смѣшными; и мы

 „луч-

(*) Perpetuo risu pulmonem agitare solebat Democritus. — *Iuvenal.* Sat. X. 33.
(**) De Tranquill. animi c. 15.

„ лучше сдѣлаемъ, когда въ „ семъ случаѣ возмемъ за об- „ разецъ *Демокрита*, а не „ *Гераклита*. *Сей*, когда между „ людьми находился, обыкно- „ венно плакалъ, а *первой* „ *смѣялся*; сей во всѣхъ на- „ шихъ дѣлахъ находилъ толь- „ ко *бѣдствїе и горе*, а пер- „ вой только *суету и ребя-* „ *чество*. Однако *дружелюбнѣе* „ *и ласковѣе* надъ человѣческою „ жизнїю *забавляться*, нежели „ надъ нею *рыдать*; и можно „ сказать, что тотъ человѣче- „ скому роду болѣе оказываетъ „ услугъ, кто осмѣиваетъ, „ нежели кто оплакиваетъ его. „ Ибо первой оставляетъ все „ еще хотя не много *надежды*; „ послѣднїй же напротивъ „ того сумазбродно плачетъ „ о такихъ вещахъ, въ исправ-

„ ле-

„лении которыхъ онъ *отчаявается*. Также тотъ, кто, „обращая взоръ на цѣлое, „не можетъ воздержаться отъ „смѣха, показываетъ благороднѣйшій духъ, нежели „тотъ, кто отъ слезъ воздержаться не можетъ; ибо „онъ даетъ чрезъ то знать, „что все, другимъ кажущееся довольно великимъ и важнымъ, для приведенія ихъ въ „*сильнѣйшія* страсти, есть „въ глазахъ его столь *мало*, „что токмо легчайшія и „хладнокровнѣйшія изъ всѣхъ „движеній въ немъ возбудить „можетъ.„ (*)

Ми-

(*) При всемъ томъ Сенека вскорѣ послѣ того изъясняется, что еще *лучше* и для мудраго приличнѣе, сносить господствующіе обычаи и погрѣшності-

щи

Мимоходомъ сказать, кажется въ рѣшенія *Софиста* *Се-*

ти людей съ кротостію и равнодушіемъ, нежели надъ ними смѣяться или оплакивать оныя. Мнѣ кажется, что онъ безъ труда бы могъ найти, что сего лучшаго есть еще лучше. За чѣмъ *всегда* смѣяться, *всегда* плакать, *всегда* сердиться, или *всегда* быть равнодушнымъ? Есть глупости, кои достойны осмѣянія; есть другія, кои довольно важны, чтобъ у друга человѣчества извлечь вздохъ; другія, кои и въ святомъ моглибъ возбудить негодованіе, наконецъ еще другія, которымъ въ разсужденіи слабости человѣческой снисходить должно. Мудрой и доброй человѣкъ (nisi pituita molesta est, какъ Горацій умно выражаетъ), смѣется или улыбается, сожалѣетъ или оплакиваетъ, извиняетъ или прощаетъ, смотря по лицамъ и дѣламъ, мѣсту и времени. Ибо смѣяться и плакать, любить и ненавидѣть, наказывать и прощать, всему есть свое время, говоритъ со-

Сенеки есть разумъ; хотя онъ можетъ быть лучше бы сдѣлалъ, когдабъ начальныя свои положенія не такъ изъ далека бралъ, и не представлялъ ихъ въ толь искусственныхъ противоположеніяхъ. Однако, какъ сказано, одно обстоятельство, что Демокритъ жилъ между *Абдеритами*, и надъ *Абдеритами* же смѣялся, дѣлаетъ тотъ попрекъ, о которомъ рѣчь идетъ, какъ бы оной ни былъ увеличенъ, сноснѣйшимъ изо всего, что всклепали на сего мудреца. И *Гомеръ* заставляетъ самихъ боговъ о предметѣ гораздо менѣе смѣшномъ — о храмлющемъ

соломонъ, которой старѣе, умнѣе и лучше былъ Сенеки во всѣми его умозаключеніями.

щемъ Вулканѣ, которой по добросердечному намѣренію, примирить обитателей Олимпа, представляетъ виночерпія — *помирать со смѣху*! Но сказки о томъ, *что будтобъ Демокритъ добровольно самъ себя лишилъ зрѣнія*, и о причинахъ, для которыхъ онъ сіе сдѣлалъ, сіи сказки со стороны тѣхъ, коими могли быть приняты, предполагаютъ склонность, которая по крайней мѣрѣ уму ихъ приноситъ мало чести.

А какаяжъ бы то была склонность? — я скажу вамъ, любезные друзья, и дай Богъ, чтобъ это не совсѣмъ сказано было на вѣтеръ!

Низкая склонность каждаго глупца, каждаго насмѣшливаго болтуна почитать не-

нeложнымъ свидѣтелемъ, какъ скоро онъ на великаго мужа взводитъ какую нибудь чрезвычайную нелѣпость, какой и самой обыкновенной человѣкъ, при пяти здравыхъ чувствахъ, учинить бы былъ не въ состоянiи.

Я не охотно повѣрю, чтобъ сiя склонность была толь свойственна всѣмъ вообще, какъ уничижители человѣческой природы утверждаютъ. Но по крайней мѣрѣ опытъ научаетъ, что малые анекдоты, разсѣваемые обыкновенно о великихъ людяхъ, на счетъ ихъ ума, весьма удобно принимаются многими. Но можетъ быть сiя склонность въ самомъ основанiи не предосудительнѣе того удовольствiя, съ каковымъ

вымъ Звѣздочеты усмотрѣли пятна въ солнцѣ? Можетъ быть токмо по нечаянїю и непостижимости дѣлается открытїе таковыхъ пятенъ прїятнымъ? Кромѣ того бываетъ не рѣдко, что слабоумные люди, приписывая великому мужу сумазбродства, дѣлаютъ (по ихъ мнѣнїю) ему много еще чести; и сїе могло слѣпиться въ отношенїи до добровольной слѣпоты нашего Фисолофа, можетъ быть не въ одной Абдеритской головѣ.

„Демокритъ, какъ говорятъ, лишилъ себя зрѣнїя, „дабы *тѣмъ глубокомысленнѣе* „*разсуждать* могъ. Что въ семъ „находится столь невѣроятнаго? не имѣемъ ли мы примѣровъ, что и другїе до-

„бро-

„бровольно себя изуродова-
„ли. *Комбабъ — Оригенъ* — „
Хорошо! — Комбабъ и
Оригенъ отняли у себя часть
себя самихъ, и притомъ та-
кую часть, которую упова-
тельно премногіе, за всѣ
свои глаза, хотя бы ихъ
столько было какъ у *Арегу-
са*, выкупили бы. Однако они
имѣли и великую къ тому по-
будительную причину. Чего
не отдастъ человѣкъ для
спасенія своей жизни? и че-
го не сдѣлаютъ или не пре-
терпятъ, дабы остаться *лю-
бимцемъ царскимъ*, или *сдѣ-
латься* даже *его идоломъ*? —
Напротивъ того Демокритъ
не могъ имѣть толь сильной
побудительной причины.
Пусть бы такъ, естьлибъ
онъ былъ *Метафизикъ* или

Стихотворецъ. Это такіе люди, кои для упражненія своего могутъ обойтись безъ зрѣнія. Они работаютъ наиболѣе воображеніемъ, которое даже становится живѣе отъ слѣпоты. Но кто когда нибудь слыхалъ, чтобъ наблюдатель природы, Анатомикъ, Астрологъ выкололъ себѣ глаза, дабы лучше наблюдать, раздроблять и смотрѣть на звѣзды?

Сія нелѣпость столь ощутительна, что *Тертулліанъ* Философа нашего мнимой поступокъ выводитъ изъ другой причины, которая ему однакожъ долженствовала бы по крайней мѣрѣ также показаться вздорною, естьлибъ онъ былъ лучшіи Умословъ, или не *имѣлъ бы* точно *нужды*, Филосо-

софовъ, коихъ онъ низвергнуть намѣревался, превращать въ чучелы. „*Онъ лишилъ себя* „*зрѣнія*, говоритъ Тертулліанъ (*), *потому что не* „*могъ смотрѣть ни на одну* „*женщину безъ вожделѣнія.*„ — Тонкое умозаключеніе для Греческаго Философа изъ столѣтія Периклова! Демокритъ, которому конечно не вспадало на мысль, хотѣть умнѣе быть Солона, Анаксагора, Сократа, имѣлъ нужду прибѣгать къ таковому средству! То правда, что совѣтъ послѣдняго (**) (которой Демокриту конечно не былъ неизвѣстенъ, потому что онъ довольно имѣлъ разума, чтобъ подать

 оный

(*) Apolog. C. 46.
(**) Memorab. Socrat. Libr. I. Cap. 3. Num. 14.

оный самъ себѣ), пользуетъ мало противъ силы *любви*; и для Философа, которой всю свою жизнь намѣревался посвятить изслѣдованію истинны, безъ сомнѣнія весьма важно было предохранить себя отъ толь тиранской страсти. Однакожъ Демокритъ, по крайней мѣрѣ въ Абдерѣ, не могъ оной отнюдъ опасаться. Хотя Абдеритянки были красавицы, однако щедрая натура надѣлила ихъ *глупостію для противодѣйствія прелестямъ ихъ тѣла.* Абдеритянка была до тѣхъ поръ хороша, пока — не отворяла рта, или пока видѣли ее въ домашнемъ платьѣ. Самая сильная страсть, каковую она въ честномъ человѣкѣ, которой не былъ Абдеритъ, поселить

мо-

могла, не болѣе трехъ дней продолжалась; и любовь трехъ дней была Демокриту въ философствованіи толь малою помѣхою, что мы паче униженно бы совѣтовали всѣмъ испытателямъ естества, Анатомикамъ, Геометрамъ и Астрономамъ, сіе средство употреблять изрѣдка, какъ превосходной рецептъ противъ ипохондріи, естьлибъ не можно было догадываться, что сіи Господа умны, и не имѣютъ нужды въ таковомъ совѣтѣ. Силу сего средства испыталъ ли Демокритъ случайно самъ у той или другой изъ Абдеритскихъ красавицъ, о которыхъ мы имѣемъ уже понятіе, того по недостатку достовѣрныхъ извѣстій ни подтвердить ни отрицать не

можемъ. Но чтобъ онъ для совершеннаго избѣжанія по крайней мѣрѣ *слишкомъ тяжкаго* плѣну отъ толь безвредныхъ твореній, и находясь на всякой случай въ безопасности, что онѣ ему глазъ не выцарапаютъ — былъ довольно слабъ, и выкололъ бы себѣ оныя самъ; тому пусть Тертулліанъ вѣритъ пока ему угодно; а мы весьма сомнѣваемся, чтобъ кто нибудь другой вмѣстѣ съ нимъ тому повѣрилъ.

Но всѣ сіи нелѣпости становятся маловажными, когда сравнимъ ихъ съ тѣмъ, что одинъ собиратель матеріаловъ для исторіи человѣческаго разума (*), впрочемъ мужъ

(*) *Брукнеръ*, не говоря ничего о *Магненѣ*, которой Демокрита по собственной своей фантазіи заставляетъ умствовать и бредить.

мужъ, въ своемъ родѣ оказавшіи великія заслуги, называетъ *Философїею Демокритовою*. Трудно бы было о кучѣ разныхъ развалинъ, камней, и разломанныхъ столбовъ, кои бы какъ мнимые остатки великаго храма Олимпійскаго изъ разныхъ мѣстъ снесены были въ одно, сказать съ достовѣрностію, что то дѣйствительно развалины сего храма. Но что подумаютъ о томъ, кто — сіи развалины, сколько ему въ скорости возможно было, складши однѣ на другія, и связавъ нѣсколько клеемъ и и соломою — толь не искусно сплоченныя части, безъ плана, безъ основанія, безъ величины, безъ соразмѣрности и красоты, захотѣлъ бы называть храмомъ Олимпійскимъ?

 Во-

Вообще весьма невѣроятно, чтобъ Демокритъ составилъ систему. У того, кто жизнь свою проводитъ въ *путешествіяхъ*, *наблюденіяхъ* и *опытахъ*, рѣдко достанетъ дней на приведеніе въ ученую систему заключеній о томъ, что онъ видѣлъ и испыталъ. Въ семъ отношеніи Демокритъ, хотя какъ сказываютъ жилъ болѣе столѣтія, все еще рано похищенъ смертію. Но чтобъ таковой мужъ, съ проницательнымъ разумомъ и съ непреодолимою приверженностію къ истиннѣ, каковую ему древность единогласно приписываетъ, былъ способенъ *утверждать очевидное безуміе*, есть еще невѣроятнѣе. „Демокритъ (какъ говорятъ намъ) про-

изводилъ бытіе міра вообще изъ атомовъ, пустаго пространства и необходимости или судьбы. *Онъ спрашивалъ природу восемдесятъ лѣтъ, и она не сказала ему ничего о ея виновникѣ*, о *его планѣ*, и *его цѣли*? Онъ всѣмъ *атомамъ* приписывалъ *одинаковой родъ движенія*, а того *не примѣтилъ* (*), что изъ стихій, въ *паралельныхъ линеяхъ* движущихся, вѣчно никакія тѣла произойти не могутъ? Онъ отрицалъ, чтобъ соединеніе атомовъ слѣдовало *по законамъ подобія*; онъ выводилъ все въ мірѣ изъ безпредѣльно скораго, но *слѣпаго* движенія; утверждалъ одна-

(*) Bruck. Histor. Crit. Philos. T. I. p. 1190.

накожъ, что міръ есть цѣлое?,, и проч. Сіе безумство и другія оному подобныя поставляютъ на его счетъ; въ разсужденіи сего ссылаются на *Стобея*, *Секста*; *Цензорина*; а о томъ мало заботятся, принадлежитъ ли то къ возможнымъ вещамъ, чтобъ такой разумной мужъ, (каковымъ однакожъ называютъ Демокрита), столь безтолково разсуждать могъ. Правда, что съ великими талантами люди отъ возможности ошибаться, или выводить неправильныя слѣдствія, столь же мало свободны, какъ и люди съ малыми способностями, хотя признаться должно, что первые несравненно рѣже впадаютъ въ сіи погрѣшности, нежели какъ бы того *Лил-*

минутцы желали; но есть такія нелѣпости, которыя токмо безмозглая голова думать или говорить способна, такъ какъ и есть злодѣянія, кои только одинъ извергъ учинить можетъ. Самые лучшіе люди имѣютъ свои *ошибки*, и самые мудрѣйшіе подвержены иногда *преходящему затмѣнію*; однакожъ сіе не мѣшаетъ о разумномъ человѣкѣ утверждать съ довольною достовѣрностію, что онъ обыкновенно, а наипаче въ такихъ случаяхъ, гдѣ и самые глупые не заблуждаютъ, поступать будетъ по здравому разсудку.

Сіе правило, естьлибъ оно надлежащимъ образомъ употребляемо было, моглобъ въ жизни предохранить отъ мно-

многихъ скороспѣшныхъ разсужденій, отъ многократнаго *важными слѣдствіями сопровождаемаго* принятія безъ разбору *наружнаго вида* и самой *истинны*. Но Абдеритамъ оное ни въ чемъ не помогало. Ибо къ употребленію правила требуется точно того — чего они не имѣли. Они довольствовались совсѣмъ другою Логикою, нежели какою умные люди; и въ головахъ ихъ клеились такія идеи, которыя, естьлибъ не было Абдеритовъ, вѣчно бы никогда соображены быть не могли. Демокритъ испытывалъ свойства вещей, и замѣчалъ причины нѣкоторыхъ въ натурѣ явленій нѣсколько ранѣе, нежели Абдериты — и потому былъ чародѣй. Онъ

думалъ обо всемъ иначе, нежели какъ они; жилъ по другимъ правиламъ, проводилъ время непонятнымъ для нихъ образомъ съ самимъ собою, — *и потому* довольно рехнулся ума. Онъ слишкомъ заучился, и опасались, что наконецъ сдѣлается нещастнымъ.

ГЛАВА II.

Демокрита обвиняютъ въ тяжкомъ преступленiи, и одинъ изъ его родственниковъ оправдываетъ его тѣмъ, что онъ рехнулся ума. Философъ заблаговременно отвращаетъ тучу бѣдъ, приготовленную ему жрецомъ Стробиломъ. — Секретъ, коего дѣйствiе рѣдко не удается при надлежащемъ его употребленiи.

Что слышно о Демокритѣ? — Говорили Абдериты меж-

между собою. — „Уже цѣлыя шесть недѣль никто его не видалъ — его никогда не залучишь; а когда наконецъ и застанешь дома, то сидитъ онъ углубленъ въ мысляхъ, и хоть предъ нимъ полчаса стой, съ нимъ говори, и опять уйди, онъ того не примѣтитъ. То разсматриваетъ онъ внутренности собакъ и кошекъ; то варитъ травы, или съ большимъ раздувательнымъ мѣхомъ стоитъ предъ волшебною печкою, и дѣлаетъ золото, или что еще того хуже. Днемъ лазитъ какъ дикая коза на самые крутые утесы горы Гема, для — исканія травъ, какъ будто бы ихъ не довольно было по близости; ночью, когда и безсловесныя твари обыкновенно по-

покоятся, окутываетъ онъ себя въ Скиѳскую шубу, и клянусь Касторомъ, зѣваетъ въ зрительную свою трубу на звѣзды.,,

,, Ха, ха, ха! глупѣе этова и во снѣ не пригрѣзится! Ха, ха, ха!,, (смѣялся малорослой толстопузой Совѣтникъ)

,, При всемъ томъ жаль этова человѣка, сказалъ *Архонтъ Абдеритской;* признаться должно, что онъ много смыслитъ,,

,, *Но какая польза въ томъ республикѣ?,,* — отвѣчалъ одинъ Совѣтникъ, которой затѣями, предложеніями о поправкахъ, и рѣшеніями старинныхъ тяжебныхъ дѣлъ понагрѣлъ себѣ руки отъ республики, и въ силу

лу того всегда чрезмѣрно хвасталъ своими заслугами, оказанными *Абдерѣ*, хотя она отъ всѣхъ его затѣй, рѣшенія тяжебъ и поправокъ ни на сто драхмъ не сдѣлалась лучшею.

„Правда, говорилъ другой; все его знаніе состоитъ въ однихъ только бездѣлкахъ; и нѣтъ въ немъ ничего основательнаго! In minimis maximus! (Великъ въ мѣлочахъ)!„

„А сверхъ того его несносная гордость!

Его охота во всемъ прекословить. — Всегдашнее его умничанье, пересуды, насмѣшки!„

„И его худой вкусъ!„

„Музыки по крайней мѣрѣ не разумѣетъ онъ ни на

во-

волосЪ,, сказалЪ *Номофи-лаксъ.*

,,Театра еще менѣе,, вскричалЪ *Гиперболъ.*

,,А величественной оды и подавно,, сказалЪ *Физигнатъ.*

,,ОнЪ побродяга, вертопрахЪ —,,

,,И сверхЪ того вольнодумецЪ, примолвилЪ жрецЪ *Стробилъ;* сущїй вольнодумецЪ, такой человѣкЪ, которой ничему не вѣритЪ и ни вЪ чемЪ святости не находитЪ. Его можно изобличить, что онЪ повырвалЪ языки у многихЪ живыхЪ лягушекЪ.,,

,,Сильно поговариваютЪ о томЪ, что онЪ даже нѣкоторыхЪ изЪ нихЪ раздроблялЪ живыхЪ, сказалЪ нѣкто.,,

„Возможно ли? вскричалъ *Стробилъ* со всѣми признаками крайняго ужаса; не уже ли сіе доказать можно? Правосудная Латона! до чего не доводитъ человѣка проклятая Философія! Но не уже ли сіе доказано быть можетъ дѣйствительно?

„Я за что купилъ, за то и продаю„ отвѣчалъ первой.

„Это надлежитъ изслѣдовать, возопилъ еще пуще Стробилъ, высокоименитый Г. Архонтъ! — Почтенные господа! — я вызываю васъ именемъ Латоны! сіе дѣло должно быть изслѣдовано?„

„Къ чему изслѣдованіе? сказалъ *Гразиллъ*, одинъ изъ старѣйшинъ республики, ближній родственникъ и чаемой

наслѣдникъ Философа. Что сказано, то правда. Однако сіе болѣе ничего не доказываетъ кромѣ того, что я къ сожалѣнію уже съ давняго времени въ бѣдномъ моемъ свойственникѣ примѣтилъ, — т. е, что онъ не въ такомъ совершенномъ умѣ, какъ бы желать было должно. Демокритъ не золъ; онъ и не отвергаетъ боговъ; но только имѣетъ часы, въ которые у него умъ за разумъ заходитъ. Когда онъ анатомилъ лягушку, то я кленусь за него, что онъ почиталъ ее за кошку.„

„Тѣмъ хуже!„ сказалъ „*Стробилъ*.

„Въ самомъ дѣлѣ, тѣмъ хуже для его головы и его хозяйства! — продолжалъ Тразиллъ. Этотъ бѣднякъ въ

такомъ состоянїи, къ кото-рому мы не можемъ болѣе оставаться равнодушными. Его фамилїя найдетъ себя принужденною просить у республики помощи. Онъ ни въ какомъ отношенїи не способенъ самъ управлять своимъ имѣнїемъ, но оное должно взять подъ опеку.„

„Когда такъ —„ сказалъ Архонтъ съ сомнительнымъ видомъ — и остановился.

„Я буду имѣть честь, милостивой государь, увѣдомить васъ о семъ дѣлѣ обстоятельнѣе, „продолжалъ Совѣтникъ *Гразиллъ*.

„Какъ? Демокритъ не въ своемъ умѣ? вскричалъ одинъ изъ присутствующихъ. Почтенные Абдериты подумай-

найте, что вы дѣлаете! Вы находитесь въ опасности подвергнуться посмѣянію всей Греціи. Я дамъ себѣ отрѣзать руку, естьли вы по сю и по ту сторону Гебра найдете человѣка умнѣе сего самаго Демокрита. Берегитесь, Государи мои! это дѣло щекотливѣе, нежели вы можетъ быть себѣ представляете..,

Читатели наши удивятся — но мы тотчасъ выведемъ ихъ изъ недоумѣнія. Тотъ, кто сїе сказалъ, *не былъ Абдеритъ*: онъ былъ чужестранецъ изъ Сиракузъ, и (что Совѣтниковъ Абдеритскихъ заставляло уважать его), близкой родственникъ старшаго Дїонисїя, которой не задолго предъ тѣмъ объявилъ себя владѣтелемъ сей республики.

 „Вы

„Вы можете быть увѣрены, отвѣчалъ *Архонтъ* Сиракузцу, что мы въ семъ дѣлѣ далѣе не поступимъ, пока не дойдемъ до основанія.„

„Въ чести, оказываемой почтеннымъ Сиракузцомъ свойственнику моему посредствомъ добраго о немъ мнѣнія, принимаю я столько участія, что желалъ бы, дабы могъ подтвердить оное мнѣніе. Правда, Демокритъ имѣетъ минуты, въ которыя онъ *здраво разсуждаетъ*; и тогда можетъ онъ говорить и съ Принцомъ; но къ сожалѣнію! только минуты. —„

„По этому минуты въ Абдерѣ весьма долги, „ перервалъ рѣчь его Сиракузецъ.

„Высокопочтенные и достойные господа, сказалъ

жрецъ

жрецъ *Стробилъ*; каковы бы обстоятельства ни были, но рѣчь идетъ о раздробленной за живо лягушкѣ! Сїе дѣло важно, и я настою на изслѣдованїе онаго. Ибо, сохрани насъ Латона и Аполлонъ! я боюсь, чтобъ —„

„Успокойтесь, великїй жрецъ, прервалъ его рѣчь *Архонтъ*, — которой (между нами сказано, самъ нѣсколько подозрѣваемъ былъ въ томъ, что о лягушкахъ Латониныхъ не такъ *здраво* мыслитъ, какъ въ Абдерѣ о томъ мыслить надлежало — по первому представленїю, которое со стороны *первостоятелей священнаго храма* въ Сенатъ подано будетъ, лягушки получатъ всякое подобающее удовлетворенїе!„

Сиракузецъ увѣдомилъ Демокрита немедленно обо всемъ, что въ сей компаніи говорено было.

Вели самаго тучнаго молодаго павлина (*) на птичьемъ дворѣ зарѣзать, и сжарить на вертелѣ, сказалъ Демокритъ своей домоправитель-

(*) Здѣсь кажется въ текстъ вкралась ошибка. Павлины *до завоеванія Александромъ Персидскаго государства* были въ Греціи не извѣстны. И когда они потомъ изъ Азіи перевезены въ Европу, то были сначала такъ рѣдки, что въ Аѳинахъ смотрѣли ихъ за деньги. Однакожъ они скоро (по словамъ комическаго писателя *Антифана*) сдѣлались такъ обыкновенны, какъ перепелки. Во время роскошной эпохи Рима вскармливали ихъ тамъ въ безчисленномъ множествѣ, и павлинъ составлялъ лучшее блюдо на Римскихъ столахъ. Откуда

тельницѣ, и дай мнѣ знать, когда онъ поспѣетъ.

Тогожъ вечера, какъ *Стробилъ* сѣлъ за столъ, поданъ ему жареной павлинъ на серебряномъ блюдѣ въ пода-

---

Г. *Бюфонъ* взялъ, что Греки не ѣли павлиновъ, того я не знаю; доказательство противъ того могъ бы онъ найти въ одномъ мѣстѣ изъ стихотворца *Алексиса у Атенея*. Между тѣмъ, естьли до Александра не было павлиновъ въ Европѣ, то достовѣрно, что Демокритъ не могъ послать жаренаго павлина жрецу Стробилу; развѣ предполагать, что сей испытатель природы между другими рѣдкостями вывезъ изъ Индіи и павлиновъ. И для чегожъ сего предполагать не можно? Въ нужномъ случаѣ могли бы насъ и древнія Самосскія монеты, на которыхъ подлѣ Юноны изображенъ павлинъ, вывести изъ недоумѣнія — естьлибъ то труда стоило.

рокъ отъ Демокрита. Вскрывши его увидѣли, что онъ начиненъ былъ стами золотыми *Дариками* (**). Этотъ человѣкъ не совсѣмъ ума рехнулся, думалъ про себя Стробилъ.

Сїе средство произвело немедленно такое дѣйствїе, какое ему произвести надлежало. Главной жрецъ кушалъ павлина съ великимъ аппетитомъ, запивалъ его Греческимъ виномъ, отщиталъ сто дариковъ въ свой кошелекъ, и благодарилъ Латонѣ за удовлетворенїе, которое доставила она своимъ лягушкамъ.

,, Мы

(**) Персидская золотая монета, которая, какъ сказываютъ, выбита сперва Цїаксаромъ II, или Дарїемъ Мидійскимъ по завоеванїи Вавилона.

„Мы всѣ имѣетъ свои слабости, сказалъ *Стробилъ* на слѣдующій день въ одной большой компаніи. Хотя Демокритъ Философъ; однако я нахожу, что онъ не такъ худо думаетъ, какъ обвиняютъ его непріятели. Міръ во злѣ лежитъ; о немъ расказываны чудеса; однакожъ я лучше соглашусь о каждомъ думать съ хорошей стороны. Я надѣюсь, что его сердце лучше его головы! Послѣдняя не совсѣмъ исправна; я самъ вѣрю тому; однакожъ человѣку въ такихъ обстоятельствахъ должно во многомъ снисходить. Я увѣренъ, что онъ превосходнѣйшимъ мужемъ былъ бы во всей Абдерѣ, естьлибъ Философія не попортила его разума!„

Стро-

Стробилъ сею рѣчью убилъ двухъ птицъ однимъ камнемъ. Онъ исполнилъ долгъ въ разсужденіи нашего Философа; поелику говорилъ о немъ, какъ о добромъ человѣкѣ; и оказалъ услугу Совѣтнику Тразиллу, поелику сдѣлалъ то на счетъ его разума. Изъ сего видѣть можно, что жрецъ Стробилъ, при всей своей простотѣ, или глупости (естьли такъ назвать), былъ хитрой пролаза.

ГЛА-

ГЛАВА III.

Краткой переходъ въ правленіе мудраго Шахъ Багама. Характеръ Совѣтника Тразилла.

Есть родъ людей, съ которыми хотя бы кто многіе годы былъ знакомъ и примѣчалъ за ними, не можетъ однакожъ самъ съ собою согласиться, помѣстить ли ихъ въ число *слабоумныхъ* или *злонравныхъ*. Едва сдѣлаютъ они такое дѣло, къ которому ни одинъ человѣкъ хотя съ малымъ разсудкомъ кажется быть неспособнымъ, какъ нечаянно удивляютъ насъ толь кстати вымышленною злобою, что мы, при всемъ своемъ благорасположеніи, судить о нихъ съ доброй стороны, находимся въ невозможности

воз-

возложить вину на ихъ *недостаточной разумъ*. Вчера принимали мы за несомнительное, что Г. *Квидамъ* столь слабаго ума, что грѣшно бы было нелѣпости его вмѣнять въ преступленіе; сего дняжъ очевидность удостовѣряетъ насъ, что худое дѣло его происходитъ не отъ одной токмо глупости; мы не видимъ никакихъ причинъ, не обвинять его въ злой волѣ. Но лишь только мы въ разсужденіи сего рѣшительное примемъ мнѣніе, то онъ заговоритъ или станетъ дѣлать что нибудь такое, отъ чего мы возвращаемся опять къ прежнему нашему положенію, или по крайней мѣрѣ приходимъ въ непріятнѣйшее состояніе души, въ замѣшатель-

тельство, не зная, что о немъ думать, или — когда противныя наши обстоятельства съ нимъ дѣло имѣть заставляютъ — какъ съ нимъ поступать должно.

Тайная исторія объ *Агрѣ* повѣствуетъ, что славной *Шахъ Багамъ* нѣкогда съ однимъ изъ своихъ *Омраговъ* находился въ подобномъ сему случаѣ. Омрагъ обвиненъ былъ въ нѣкоемъ преступленіи.

Такъ его повѣсить, сказалъ Шахъ Багамъ.

„Государь! (говорили ему), бѣдной *Курли* столь слабаго ума, что еще вопросу подлежитъ, довольно ли ясно усматриваетъ онъ разность между правдою и несправедливостію, чтобъ *знать* когда онъ преступленіе дѣ-

лаетъ,

лаетъ, или когда не дѣлаетъ его „.

Когда такъ, (сказалъ Шахъ Багамъ) то сослать его въ домъ сумасшедшихъ!

„Однако, Ваше Величество! онъ имѣетъ довольно разума, чтобъ уклониться отъ телѣги съ сѣномъ, и пройти мимо столба, объ которой онъ могъ бы раскроить себѣ лобъ, поелику онъ примѣчаетъ, что столбъ мимо его не прошелъ бы —„

Естьли онъ примѣчаетъ это? вскричалъ Султанъ: то заклинаю бородою Пророка, не говорите мнѣ ничего болѣе. Завтра увидятъ, естьли правосудіе въ Агрѣ.

„Между тѣмъ найдутся люди, которые Ваше Величество увѣрятъ, что Омрагъ

рагъ — исключая его глупость, доводящую его иногда до злости — есть честнѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ.,,

,,Прошу извинить! (прервалъ рѣчь его другой изъ присутствовавшихъ тогда царедворцевъ). Совсѣмъ тому противное! Курли всѣмъ тѣмъ, что въ немъ есть еще хорошаго, обязанъ своей глупости. Онъ былъ бы въ десять кратъ теперешняго хуже, естьлибъ довольно имѣлъ ума, чтобъ знать, что ему дѣлать должно.,,

Знаете ли, друзья мои, что во всемъ, вами мнѣ сказанномъ, нѣтъ человѣческаго смысла? продолжалъ Шахъ Бахамъ. Согласитесь сами съ собою, естьли просить смѣю! Курли, говоритъ одинъ, золъ,

потому что *глупъ.* — Нѣтъ, говоритъ другой, онъ глупъ, потому что золъ. — Не правда, говоритъ третій; онъ былъ бы золъ, естьлибъ *не былъ столь глупъ.* — Какъ же разобрать эту чепуху? Рѣши мнѣ теперь кто нибудь, что я съ нимъ дѣлать долженъ! Ибо по злости не льзя его осудить въ домъ сумасшедшихъ, а по глупости не льзя приговорить къ висѣлицѣ.

„ Точно такъ, сказала Султанша *Дареянъ*, Курли столько глупъ, что не можетъ быть золъ; однакожъ онъ былъ бы еще менѣе золъ теперешняго, естьлибъ онъ не столько глупъ былъ „

Чортъ возьми такого непонятнаго пострѣла! вскричалъ *Шахъ Багамъ*. Мы сидя

дома

ломаемъ себѣ головы, чтобъ добраться, оселъ ли онъ, или бездѣльникъ; и наконецъ увидимъ, что онъ и то и другое. Передумавъ обо всемъ съ зрѣлымъ разсудкомъ, знаете ли, что я сдѣлать хочу? Я намѣренъ пустить его на волю. Злость его и глупость удержатъ уже между собою равновѣсіе. *Не будучи болѣе Омрагомъ*, не причинитъ онъ большаго вреда ни тою, ни другою. Бѣлой свѣтъ великъ; пусти его на волю, *Итимаддулетъ!* Но прежде онъ долженъ притти и поблагодарить Султаншу! Еще за три минуты только предъ симъ не далъ бы я за голову его ни синяго пороха!

Долго не могли доискаться, *для чего Шахъ Багамъ* названъ *мудрымъ* въ лѣто-

писяхъ Индостанскихъ. Но послѣ сего рѣшенія не нуженъ уже такой запросъ. Всѣ седмь мудрецовъ Греческихъ не лучшебъ развязали узолъ, которой Шахъ Багамомъ — разсѣченъ.

Совѣтникъ *Тразиллъ* по нещастію своему (но къ щастію свѣта) былъ одинъ изъ тѣхъ весьма необыкновенныхъ людей, въ головѣ и сердцѣ которыхъ глупость и злость, по изреченію Султанову, удерживаютъ между собою равновѣсіе. Умыслы его на имущество Демокритово простирались не со вчерашняго дня. Онъ надѣялся, что его родственникъ, по столь долговременной отлучкѣ, совсѣмъ не возвратится; и предполагая сіе старался онъ начерташь

тать планъ, которой возвращенiемъ Философа, къ великому его неудовольствiю, былъ подорванъ. Тразиллъ, котораго воображенiе уже привыкло, наслѣдство Демокритово почитать частiю собственнаго своего имѣнiя, не могъ тогда столь легко прiобучить себя къ другимъ мыслямъ. И такъ онъ Демокрита признавалъ за хищника, отнявшаго у него то, что ему принадлежало. Но по нещастiю сей хищникъ имѣлъ — на своей сторонѣ законы.

Бѣдной Тразиллъ шарилъ въ пустой головѣ своей, не найдетъ ли противъ сего неблагопрiятнаго обстоятельства какого способа; но искалъ его долгое время тщетно. На-

конецъ думалъ онъ въ жизни Философа найти то основанie, на которое могъ бы опереться. Абдериты уже приготовлены, думалъ Тразиллъ; ибо, что Демокритъ не въ своемъ умѣ, то въ Абдерѣ не подлежало никакому сомнѣнiю. И такъ требовалось только верховному Совѣту доказать *судебнымъ порядкомъ*, что его сумасшествiе такого рода, которое подверженнаго оному дѣлаетъ неспособнымъ владѣть своею собственностiю. Сiе сопряжено было съ нѣкоторыми трудностями. Тразиллъ съ однимъ своимъ разсудкомъ едва бы успѣлъ. Но въ такихъ случаяхъ подобные ему за деньги находятъ всегда бездѣльника, которой ихъ ссужаетъ своею

голо-

головою, такъ что будтобъ они ее сами имѣли.

ГЛАВА IV.

Краткія, но достаточныя извѣстія о Абдеритскихъ Сикофантахъ или стряпчихъ. Отрывокъ рѣчи, въ которой Тразиллъ проситъ объ опекѣ въ разсужденіи своего родственника.

Въ Абдерѣ находился тогда такой родъ людей, которые кормились искусствомъ, *неправильныя тяжбы* передѣлывать такъ, чтобъ онѣ *имѣли видъ справедливости*. Они употребляли къ тому только двѣ уловки; либо *представляли самое дѣло въ ложномъ видѣ*, либо *криво толковали законы*. Поелику сіе ремесло было весьма прибыльно, то отъ времени до

времени вдались въ оное толь много праздныхъ людей, что *бумагомаратели* отнимали наконецъ хлѣбъ и у самихъ законоискусниковъ, отъ чего помянутое ремесло не мало потеряло къ себѣ уваженiя. Тѣхъ, кои упражнялись въономъ, называли *Сикофантами*, то есть, ябедниками или крючкотворцами, потому что большая часть изъ нихъ были такiе плуты, кои за *сущую бездѣлку ради были говорить* все, что вздумать можно.

Но какъ сiи ябедники составляли по крайней мѣрѣ двагцатую часть жителей Абдеритскихъ, и даваемою имъ токмо малою платою прожить не могли: то обыкновенныхъ случаевъ, при которыхъ происходятъ споры,

ста-

стало уже не довольно. Прежніе Сикофанты дожидались, пока у нихъ попросятъ помощи. Но такимъ порядкомъ новѣйшіе Сикофанты должны бы были помереть съ голоду или копать землю! Ибо ходить по міру въ Абдерѣ не позволялось; что (сказать мимоходомъ) одно токмо заставляло чужестранцовъ хвалить Полицію Абдеритовъ. А какъ сіи Сикофанты для копанія земли были весьма лѣнивы: то большей части изъ нихъ не оставалось другаго средства, какъ — тяжбы, по которымъ они желали стряпать, *начинать самимъ*.

Поелику Абдериты были весьма горячаго сложенія и слабаго разсудка, то къ сему ни-

никогда не имѣли недостатка въ случаяхъ. Слѣдовательно каждая бездѣлка подавала поводъ къ тяжбѣ; каждой Абдеритъ имѣлъ на своей сторонѣ ябедника; и такимъ образомъ возстановлено было опять нѣкое равновѣсіе, чрезъ которое уважалось ремесло сіе тѣмъ болѣе, что ревнованіе открывало великіе таланты.

Абдера пріобрѣла чрезъ то славу, что искусство дѣла представлять въ ложномъ видѣ и криво толковать законы, не доведено и въ самыхъ Аѳинахъ до такого высокаго степени; и сія слава въ послѣдствіи времени приносила республикѣ великую прибыль. Ибо, кто имѣлъ весьма неправильную тяжбу,

но

но притомъ важную, тотъ выписывалъ Абдеритскаго обедника; и развѣ послѣдовалъ бы не натуральной случай, чтобъ сей повѣренной отсталъ отъ своего препоручителя прежде, пока всѣхъ пожитковъ изъ него не высосетъ.

Но сія выгода была еще не самая большая, какою Абдериты пользовались отъ своихъ стряпчихъ. Сихъ людей отличнѣйшими въ глазахъ ихъ содѣлывала ловкость, всякое плутовство производить такъ, что препоручители не имѣли уже нужды сами принимать на себя трудъ, или относиться къ судебному мѣсту. Стоило токмо дѣло отдать въ руки стряпчему: то можно было, обыкновенно, обез-

обезпечить себя въ разсужденіи окончанія онаго. Я говорю обыкновенно; ибо конечно, между тѣмъ, встрѣчались и такіе случаи, гдѣ стряпчій, обобравъ сперва своего препоручителя, способствовалъ втайнѣ иску противной сторонѣ; однакожъ и не иначе, какъ естьли сія передавала ему по крайней мѣрѣ двумя третями болѣе подарковъ.

Впрочемъ не было ничего поучительнѣе, какъ видѣть доброе согласіе, которое въ Абдерѣ царствовало между Сикофантами и *Магистратскими Членами*. Одни токмо, кои отъ сего согласія теряли, были — *препоручители*. При всякихъ другихъ предпріятіяхъ, сколь бы

бы опасны и отважны оныя ми были, оставалась по крайней мѣрѣ *возможность* вывернуться и не заплатить спиною. Но Абдеритской препоручитель всегда былъ удостовѣренъ, что лишится денегъ, при выигрышѣ и проигрышѣ иску своего. Ибо въ Греціи вошло въ пословицу, тому, кого клясть хотѣли, *желать тяжбы въ Абдерѣ*.

Но чуть было мы при Сикофантахъ не позабыли, что рѣчь была объ умыслѣ Совѣтника Тразилла на имѣніе нашего Философа, и о средствахъ, чрезъ которыя онъ преднамѣреваемое грабительство хотѣлъ учинить подъ защитою законовъ.

Дабы благосклоннаго Читателя не остановлять на даль-

дальнихъ околичностяхъ, то удовольствуемся сказать, что Тразиллъ помянутое дѣло препоручилъ своему стряпчему. Сей былъ искуснѣйшій во всей Абдерѣ; такой, которой обыкновенные происки своихъ сотоварищей презиралъ, и гордился тѣмъ, что онъ со времени упражненія въ благородномъ ремеслѣ своемъ, выигралъ сотни двѣ несправедливыхъ тяжебъ, не употребляя ни одной *прямой лжи*. Онъ опирался на однихъ токмо *неоспоримыхъ обстоятельствахъ*; но его сила заключалась въ *слогѣ и яснотемномъ* смыслѣ. Демокритъ не могъ попасться въ лучшія руки. Мы сожалѣемъ токмо, что, поелику все, что писано было по сему иску, давно съѣдено мыша-

ми,

ми, не можемъ въ пользу молодыхъ стряпчихъ, вступающихъ въ свою должность, сообщить всю рѣчь, въ которой сей законоискусникъ верховному Совѣту въ Абдерѣ доказывалъ, что Демокритъ долженъ лишенъ быть своего именiя. Все, что изъ сей рѣчи осталось, есть малой отрывокъ, которой кажется намъ довольно достойнымъ замѣчанiя, чтобъ для примѣра, какъ сiи господа обыкновенно оборачивали какое нибудь дѣло, занялъ нѣсколько листковъ въ сей Исторiи.

„Величайшiе, опаснѣйшiе, и несноснѣйшiе изо всѣхъ сумазбродовъ (говорилъ онъ) суть сумазброды *разсудительные*. Будучи не менѣе глупыми другихъ, скрываютъ

они отъ несмысленной толпы помѣшательство головы своей проворствомъ въ языкѣ, и почитаются за мудрыхъ, потому что *связнѣе* и правильнѣе *неистовствуютъ*, нежели собратія ихъ въ домѣ сумасшедшихъ. *Неученой*, безграмотной сумазбродъ погибаетъ, коль скоро *заговоритъ что нибудь безумное*. А въ ученомъ видимъ мы совсѣмъ тому противное. Его щастіе основано, и слава его утверждена, какъ скоро онъ что нибудь безумное говорить или писать начинаетъ. Ибо большая часть людей, хотя прямо въ самихъ себѣ удостовѣрены, *что ничего изъ его словъ не разумѣютъ*, однако либо по *недовѣрчивости* къ собственному своему разуму не

примѣ-

примѣтятъ, что не они въ томъ виновны; или по *глупости* не усмотрятъ, и слѣдственно по тщеславїю не признаются, что они ничего не разумѣли. И такъ, чѣмъ болѣе ученой сумазбродъ завирается, тѣмъ громчѣе безграмотные сумазброды изъявлятъ свое удивленїе; тѣмъ тщательнѣе ломаютъ они себѣ головы обрѣсти смыслъ въ высокопарномъ безумїи. Первой, подобно ободренному всенародною похвалою скакуну, дѣлаетъ тѣмъ дерзновеннѣйшїе шаги, чѣмъ болѣе зрители ему плещутъ. Сїи подъемлютъ рукоплесканїе отчасу сильнѣе, дабы отъ ученаго шута насмотрѣться еще болѣе чудесъ. А отъ сего часто происхо-

 дитъ

дитъ то, что круженія духъ одного человѣка заражаетъ весь народъ; и что, доколѣ время безумія продолжается, сооружаютъ тому самому олтари, котораго въ другое время, безъ дальнихъ съ нимъ околичностей, пристроилибы въ гошпиталь. Къ щастію знаменитаго нашего города Абдеры мы не зашли еще такъ далеко. Мы признаемъ всѣ единогласно, что Демокритъ есть человѣкъ странной, своенравной и помѣшанной въ умѣ. Но мы довольствуемся токмо тѣмъ, что смѣемся надъ нимъ; и въ семъ то погрѣшаемъ. Теперь мы смѣемся надъ нимъ; но вскорѣ начнемъ въ его сумасшествіи находить нѣчто чрезвычайное? Отъ изумленіяжъ

къ удивленію есть токмо одинъ шагъ; и когда мы его переступимъ — Боги! кто скажетъ намъ тогда, гдѣ мы остановимся? — Демокритъ сумазбродъ, говоримъ мы нынѣ, и забавляемся тѣмъ. Но какой онъ сумазбродъ? надменной великой духъ, порицатель перводревнихъ нашихъ обычаевъ и установленій; тунеядецъ, котораго упражненія отечеству не болѣе приносятъ пользы, какъ естьлибъ онъ и совсѣмъ ничего не дѣлалъ; такой, которой раздробляетъ кошекъ, которой разумѣетъ, что говорятъ птицы, и ищетъ философскаго камня; чернокнижникъ, ловецъ бабочекъ и звѣздочетъ! — И можемъ ли сомнѣваться, заслуживаетъ ли онъ

темную комнату? Что будетъ съ Абдерою, когда сумасшествїе его наконецъ учинится заразою? Развѣ мы желаемъ лучше дожидаться слѣдствїй толикаго зла, нежели предпринять единое средство, могущее насъ предохранить отъ онаго? Къ щастїю нашему сїе средство предлагается законами. Оно просто, соотвѣтственно правамъ, и несомнительно. Посадить его въ темную комнату, высокопочтенные судїи, въ темную комнату! такимъ образомъ вдругъ мы избавимся опасности, и Демокритъ пусть тамъ безумствуетъ, сколько ему угодно.

„Но скажутъ друзья его: — ибо мы уже столь далеко зашли, что тотъ, кото-

тораго мы всѣ почитаемъ за помѣшаннаго въ умѣ, имѣетъ между нами и пріятелей; — но скажутъ, говорю, друзья его, гдѣжъ доказательства, что сумасшествіе его достигло того степени, за которой законы осуждаютъ въ темную комнату? — По истиннѣ! когда мы послѣ всего, намъ уже извѣстнаго, потребуемъ еще доказательствъ: то надобно доказать, какъ станетъ уже онъ раскаленное уголье почитать за червонцы, или солнце среди бѣла дни искать съ фонаремъ. Не утверждалъ ли онъ, что богиня любви въ Еѳіопіи черна какъ уголь? Не хотѣлъ ли онъ женщинъ нашихъ уговорить, чтобъ онѣ ходили такъ наги, какъ женщины Гимнософистовъ? Не увѣрялъ ли

онъ не давно въ одномъ многочисленномъ собранiи, что солнце стоитъ неподвижно, земля перекатывается триста шестьдесятъ пять разъ по зодiаку; и причина, для которой мы не выпадемъ въ полое пространство, будтобъ была та, что среди земли лежитъ большой магнитъ, которой насъ, какъ опилки, къ себѣ притягаетъ, хотя мы не желѣзные? Я охотно допускаю, что всѣ таковыя бредни ничего не значатъ. Можно *говорить* нелѣпости, а *поступать умно*. Щастливыбъ мы были, естьлибъ Философъ въ семъ единственно безумствовалъ. Но (съ сожалѣнiемъ я сказать долженъ) поступки его предполагаютъ толь необыкновенной степень

помѣ-

помѣшательства въ умѣ, что всей чемерицы въ свѣтѣ не достало бы для прочищенія его мозгу, въ которомъ оныя зараждаются. Дабы не обременить терпѣнія сего благознаменитаго судилища, приведу я изъ безчисленныхъ примѣровъ токмо два, подлинность которыхъ доказана быть можетъ судебнымъ порядкомъ, естьли ради невѣроятности ихъ въ нихъ сомнѣваться будутъ.

„За нѣсколько времени предъ симъ поставлены были предъ нашего Философа винныя ягоды, которыя, по его мнѣнію, совсѣмъ особенной медовой вкусъ имѣли. Сіе показалось ему важностію. Онъ вставъ изъ за стола, пошелъ въ садъ, велѣлъ себѣ показать

зать

зать то дерево, съ котораго оныя ягоды собраны были; разсматривалъ дерево снизу до верьху, велѣлъ взрыть его до корня, и замѣчалъ землю, въ которой оно расло, и (какъ не сомнѣваюсь) также и созвѣздіе, подъ которымъ оно посажено было. Кратко сказать, онъ ломалъ себѣ нѣсколько дней голову, какъ и почему пылинки между собою соединяются, чтобъ винныя ягоды отзывались медомъ. Онъ изобрѣталъ гипотезу или предположеніе, и отвергалъ оное опять, вымышлялъ другое, по томъ третіе, четвертое, и наконецъ всѣ опять отринулъ, потому что ни одно не казалось ему довольно остроумнымъ и ученымъ. Сіе тревожило его такъ, что онъ потерялъ отъ того

го

го сонъ и позывъ къ пищѣ. Наконецъ сжалилась надъ нимъ его повариха. Естьлибъ вы, сударь, не такъ учены были, сказала она, то бы вамъ давно пришло на умъ, отъ чего винныя ягоды отзываются медомъ. — А отъ чегожъ? спросилъ Демокритъ. — Чтобъ ихъ сберечь свѣжими, положила я ихъ въ горшокъ, гдѣ былъ медъ, сказала повариха; вотъ вся тайность, и тутъ кажется мнѣ нечего болѣе доискиваться. Глупая ты тварь, вскричалъ своенравной Философъ. Изрядное слышу отъ тебя изъясненїе! для подобныхъ тебѣ можетъ быть оно годится; но думаешь ли ты, что мы другїе удовольствуемся толь глупыми изъясненїями? Положимъ такъ было,

какъ ты говоришь, но что мнѣ до того? Твой горшокъ съ медомъ конечно меня не удержитъ доискаться, какъ подобное приключенїе натуры и *безъ медоваго горшка* твоего произойти могло бы. Такимъ образомъ сей мудрецъ продолжалъ на перекоръ своему разуму и своей поварихѣ, причины, находившейся не глубже, какъ въ горшкѣ съ медомъ, добираться *въ неизмѣримыхъ колодезяхъ*, въ которыхъ (по словамъ его) *сокрыта истинна*, пока другая вздорная мысль, представившаяся его воображенїю, не отвлекла его къ другимъ можетъ быть еще безразсуднѣйшимъ изслѣдованїямъ.

„Сколь ни смѣшно сїе обстоятельство, однакожъ

оно никакъ не можетъ сравниться съ тѣмъ опытомъ благоразумія, которой оказалъ онъ, какъ въ прошедшемъ году оливки не уродились во Ѳракіи и во всѣхъ граничащихъ съ оною странахъ. Демокритъ за годъ предъ тѣмъ узналъ, (не извѣстно чрезъ гаданіе ли по точкамъ или чрезъ другія Магическія науки), что оливокъ, которыя тогда были весьма дешевы, въ слѣдующемъ году совсѣмъ не будетъ. Таковое предвѣдѣніе достаточно бы было щастіе *разумнаго человѣка* составить на всю его жизнь. Сначала и казалось, что Демокритъ сего случая не хотѣлъ пропустить; ибо онъ закупилъ все масло во всемъ отечествѣ. Годъ по

томъ спустя поднялась цѣна на оное, частїю по не урожаю, частїю потому, что оно все находилось въ рукахъ Демокритовыхъ, вчетверо выше, нежели чего прежде стоило. Теперь предоставляю я всѣмъ людямъ, кои знаютъ, что четырежды четыре есть болѣе одного, отгадать, что онъ сдѣлалъ? — Можете ли вы себѣ представить, что онъ по безумїю своему возвратилъ продавцамъ своимъ масло ихъ по той же цѣнѣ, по какой у нихъ выторговалъ? (*) Извѣстно

(*) Съ какою разностїю то же самое обстоятельство расказывается въ другомъ мѣстѣ! О семъ же самомъ поступкѣ, которой крючкотворецъ нашъ почитаетъ совершеннымъ доказательствомъ помѣшаннаго ума, говоритъ *Плинїй*, какъ о дѣйствїи весьма благо-

стно намъ, сколь далеко великодушіе такого человѣка, которой владѣетъ умомъ своимъ, простираться можетъ. Но сей случай столько превышалъ всякое вѣроятіе, что и тѣ, кои притомъ выигрывали, сами качали голо-

благородномъ и приносящемъ честь Философіи. Демокритъ по добротѣ своего сердца не хотѣлъ обогатиться съ потерею другихъ, кои не могли безъ того обойтись, безъ чего онъ могъ. Безпокойство и отчаяніе ихъ, что они лишились толь великихъ выгодъ, тронуло его; онъ отдалъ имъ масло, или вырученныя за то деньги назадъ, и удовольствовался показать Абдеритамъ, что отъ него токмо зависитъ разбогатѣть, естьли бы то труда его стоило. Съ сей-то стороны разсматриваетъ *Плиній* помянутое обстоятельство; и въ самомъ дѣлѣ должно быть Абдериту крючкотворцу, и вмѣстѣ бездѣльнику, чтобъ говорить о томъ такъ, какъ говорилъ нашъ стряпчій.

ловами, и о здравомъ разумѣ такого человѣка, которой кучу золота почиталъ кучею орѣховыхъ скорлупъ, приведены были въ сомнѣнiе, оказавшееся, къ нещастiю его наслѣдниковъ, весьма основательнымъ.,,

ГЛАВА V.

Дѣло предоставляется Медицинскому рѣшенiю. Сенатъ отправляетъ письмо къ Иппократу. Сей врачь прiѣзжаетъ въ Абдеру, является предъ совѣтъ, приглашается Совѣтникомъ Тразилломъ на пиръ, и находитъ — скуку. Примѣръ, что кошелекъ, наполненной золотыми, не ко всему пригоденъ.

Доселѣ простирается отрывокъ рѣчи; и естьли по сей

сей малой части заключить о цѣломъ, то крючкотворецъ всеконечно отъ Совѣтника *Тразилла* понагрѣлъ себѣ руки. По крайней мѣрѣ онъ не виноватъ въ томъ, что верховной Сенатъ Абдеритской не осудилъ Философа нашего въ темную комнату. Тразиллъ въ семъ судилищѣ имѣлъ у себя недоброхотовъ; и ремесленной мастеръ *Пфримъ*, которой между тѣмъ сдѣлался цеховымъ, утверждалъ съ великимъ жаромъ, что противно бы было вольности Абдерской республики объявлять гражданина оной сумасшедшимъ, пока онъ не найденъ таковымъ отъ безпристрастнаго врача,, Хорошо, вскричалъ Тразиллъ; по мнѣ пожалуй пусть хотя призовутъ сюда

сюда самаго *Иппократа!* Я тѣмъ буду весьма доволенъ.,,

Не сказали ли мы выше сего, что глупость Совѣтника Тразилла съ его злостїю находились въ равновѣсїи? — Онъ глупо поступилъ, что въ толь ненадежномъ дѣлѣ ссылался на *Иппократа.* Но дѣйствительно и не пришло ему на мысль, чтобъ его поймали въ его словѣ.

Иппократъ, сказалъ *Архонтъ*, есть всеконечно такой мужъ, которой всѣхъ лучше можетъ вывести насъ изъ сего сомнительнаго положенїя. По щастїю онъ теперь въ Тазосѣ; можетъ быть онъ согласится къ намъ прїѣхать, естьли мы пригласимъ его къ себѣ именемъ республики.

Тра-

Тразиллъ измѣнился нѣсколько въ лицѣ, услышавъ, что симъ дѣломъ шутить не хотѣли. Большинство голосовъ присоединилось ко мнѣнію Архонтову. Отправили немедленно нарочныхъ съ пригласительнымъ письмомъ (*) ко врачу, и въ остальное время засѣданія занимались совѣтованіями *о почестяхъ*, съ какими его принять надлежало.

(*) Подъ сею статьею находится еще нѣчто въ изданіи сочиненій Иппократовыхъ. Но то безъ всякаго сомнѣнія подложно, и есть произведеніе ума какого нибудь безмозглаго *Гречонка* позднѣйшихъ временъ, такъ какъ и всѣ расказы о свиданіи сего врача съ Демокритомъ въ одномъ изъ подлѣланныхъ писемъ, вышедшихъ подъ именемъ перваго.

„*Это по крайней мѣрѣ „не по Абдеритски,*„ подумаютъ врачи, которые можетъ быть найдутся между нашими читателями. Но гдѣжъ сказали мы, что Абдериты совсѣмъ ничего не дѣлали, что прилично бы было разумному народу? Между тѣмъ истинная причина, для которой они Иппократу хотѣли оказать толь много чести, отнюдъ не состояла въ почтенiи, которое они къ нему чувствовали; но единственно въ тщеславiи, чтобъ ихъ почитали за такихъ, кои умѣютъ цѣнить великаго мужа. А сверхъ того не замѣтили ли мы уже при другомъ случаѣ, что они издавна были чрезвычайные любители торжественныхъ обрядовъ?

Посланные имѣли повелѣнїе Иппократу ничего болѣе не сказывать, кромѣ того, что Сенатъ Абдерской имѣетъ нужду въ его присутствїи и мнѣнїи въ одномъ весьма важномъ дѣлѣ. Иппократъ, со всею своею Философїею, не могъ придумать, какоебъ то важное дѣло было. Какая имъ нужда, разсуждалъ онъ, скрывать то? Сенатъ Абдерской едва ли можетъ цѣлымъ *корпусомъ* страдать такою болѣзнїю, о которой не льзя объявить публично.

Между тѣмъ вознамѣрился онъ предпрїять сїе путешествїе тѣмъ охотнѣе, что уже давно желалъ съ нашимъ Философомъ познакомиться лично. Но сколь велико было его изумленїе, когда —

по принятіи его съ великою пышностію и представленіи собранному Совѣту, — дано было ему знать отъ управляющаго *Архонта* въ хорошо сочиненной рѣчи: „Что его „призвали въ Абдеру единственно для того, дабы изслѣдовать сумасшествіе со„гражданина ихъ Демокрита, „и сообщить мнѣніе свое, „льзя ли еще пособить ему, „или онъ дошелъ уже до то„го, что его безъ сомнѣнія „можно объявить политиче„ски умершимъ?„ —

Надобно, чтобъ это былъ другой Демокритъ, думалъ сначала врачь. Но Господа Абдериты не долго оставили его въ семъ недоумѣніи. Хорошо, хорошо, сказалъ онъ самъ про себя; развѣ я не

въ Абдерѣ? Какъ я объ этомъ позабыть могъ!

Онъ не далъ примѣтить своего изумленія, но хвалилъ Сенатъ и народъ Абдеритской за то, что они чувствуя достоинства такого согражданина, каковъ Демокритъ, почитали здравіе его для общества необходимо нужнымъ. „Сумасшествіе (сказалъ онъ съ великою важностію) есть точка, въ которой превосходнѣйшіе умы сходятся вмѣстѣ съ самыми слабѣйшими. Мы увидимъ!„

Тразиллъ пригласилъ врача къ своему столу, и изъ учтивости подобралъ ему для компаніи самыхъ обходительныхъ кавалеровъ и прекрасныхъ дамъ въ городѣ. Но Иппократъ, будучи близорукъ

и не имѣя лорнета (*), не примѣтилъ, что дамы были *прекрасны*; отъ чего (безъ вины ихъ: ибо онѣ слишкомъ и такъ сказать въ запуски нарядились) произошло то, что онѣ не совершенно сдѣлали въ немъ впечатлѣніе, какого бы впрочемъ надѣяться могли. Въ самомъ дѣлѣ жаль было, что онъ не имѣлъ лучшаго зрѣнія. Для разумнаго человѣка взглядъ на красивую женщину всегда занимателенъ. И естьли она что нибудь и глупо говоритъ, (что съ красивыми иногда также случается, какъ и съ дур-

(*) Тѣмъ, кои можетъ быть удивятся сему, пусть послужитъ извѣстіемъ, что лорнеты тогда еще не изобрѣтены были.

дурными) то примѣтная въ томъ разность, *слышать* ее только, или вмѣстѣ и *смотрѣть* на нее. Ибо въ послѣднемъ случаѣ всегда мы склонны, все что она ни говоритъ, находить разумнымъ, или прiятнымъ, или по крайней мѣрѣ сноснымъ. А какъ Абдеритянки сей выгоды у близорукаго незнакомца лишились; и какъ онъ принужденъ былъ о красотѣ ихъ судить по впечатлѣнiю, дѣланному ими въ его *слухѣ*, то конечно не было ничего натуральнѣе, когда понятiе его о нихъ уподоблялось тому, которое *глухой* посредствомъ двухъ здоровыхъ глазъ имѣлъ бы о *концертѣ*. —

„Что это за дама, которая теперь лишь съ замысло-

ватымъ кавалеромъ разговаривала?„ спросилъ онъ Тразилла на ухо. — Ему сказано, что то была супруга одного изъ знатнѣйшихъ Матадоровъ въ Абдерѣ. — Онъ разсматривалъ ее тогда съ новою внимательностію. Тьфу пропасть какая! (думалъ онъ самъ про себя; я не могу выбить изъ головы той проклятой *торговки устерсами*, которая не давно предъ моимъ домомъ въ Лариссѣ шутила съ однимъ Молосскимъ погонщикомъ ословъ.

Тразиллъ съ намѣреніемъ угощалъ нашего Эскулапа. Столъ его былъ вкусенъ, вино соблазнительно, и въ добавокъ велѣлъ онъ войти Милетскимъ танцовщицамъ. Но Иппократъ ѣлъ мало, пилъ

воду, и въ дому Аспазїиномъ въ Аѳинахъ видалъ танцовщицъ гораздо превосходнѣйшихъ. Все было безуспѣшно. Мудрецу приключилось нѣчто, чего можетъ быть не приключалось ему со многихъ лѣтъ; *онъ почувствовалъ скуку*, и ему казалось, что не стоило труда скрывать оную отъ Абдеритовъ.

И такъ Абдеритянки, безъ дальныхъ наблюденїй, *замѣтили* то, что онъ далъ имъ чувствовать довольно ясно; и натурально пересуды ихъ о томъ были не въ его пользу. Онъ видно весьма ученъ, шептали они одна другой. Жаль, что онъ не болѣе въ свѣтѣ обращался! — А я навѣрное знаю, что мнѣ никогда не вспадетъ на

мысль въ угодность ему сдѣлаться больною, сказала прекрасная *Тріаллисъ.*

Между тѣмъ Тразиллъ занимался другими размышленіями. Хотя сей Иппократъ есть великой мужъ, думалъ онъ, однакожъ онъ конечно имѣетъ свои слабости. Оказанныя ему Сенатомъ почести уважалъ онъ по видимому не много. Онъ не любитъ и веселостей. Однако я бьюсь объ закладъ, что кошелекъ, наполненной блестящимъ золотомъ, непремѣнно разгонитъ мракъ на угрюмомъ лицѣ его!

По окончаніи стола Тразиллъ приступилъ къ дѣлу. Онъ отведши врача на сторону, старался подъ видомъ живѣйшаго участія, какое принимаетъ онъ въ нещастномъ

номѣ состоянiи своего родственника, убѣдить его, что помѣшательство въ его умѣ есть толь извѣстно и не сомнительно, что Сенатъ ничѣмъ инымъ, кромѣ должности удовлетворить обрядамъ законовъ, побужденъ не былъ къ отобранiю въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ никто не сомнѣвается еще въ добавокъ подтвердительнаго мнѣнiя отъ иностраннаго врача. „А какъ заставили васъ „предпрiять къ намъ путешествiе, на котороебъ вы упо„вательно безъ сей побуди„тельной причины не рѣши„лись: то справедливость „требуетъ, чтобъ тотъ, до „кого сiе обстоятельство „всѣхъ ближе касается, воз„наградилъ вамъ сколько ни„будь

„будь потерю, понесенную „опущеніемЪ собственныхЪ „ващихЪ дѣлЪ. Примите сію „малость вЪ залогЪ благо„дарности, которую надѣ„юсь доказать вамЪ сильнѣй„шими опытами.„

Довольно туго набитой кошелекЪ, которой ТразиллЪ при сихЪ словахЪ хотѣлЪ было втереть гостю вЪ руки, вывело его изЪ разсѣянія, сЪ каковымЪ онЪ слушалЪ Совѣтника. „Что вы хотите сдѣ„лать сЪ этимЪ кошелькомЪ?„ спросилЪ ИппократЪ сЪ такимЪ хладнокровіемЪ, которое Абдерита весьма поразило; вы, думаю, хотѣли отдать его вашему домоправителю. Не уже ли обыкновенно бываетЪ у васЪ такой разбродЪ вЪ мысляхЪ? Естьли

такЪ,

такъ, то я совѣтовалъ бы вамъ сказать о томъ врачу вашему; — но вы давича напоминали мнѣ о причинѣ моего прiѣзду. Я благодарю васъ за то. Здѣсь я могу прожить только весьма короткое время; и потому не долженъ отлагать посѣщенiя, которымъ, какъ вамъ извѣстно, обязанъ я Демокриту.„ При сихъ словахъ Эскулапъ поклонясь вышелъ вонъ.

Совѣтникъ во всю свою жизнь не былъ такъ одурачёнъ, какъ въ сiю минуту. — Да какъ Абдеритской Совѣтникъ и вздумать могъ, чтобъ съ нимъ что нибудь такое встрѣтилось? Это не принадлежало къ такимъ случаямъ, къ которымъ приготовляться должно!

ГЛА-

ГЛАВА VI.

Иппократъ посѣщаетъ Демокрита. Тайныя извѣстія о перводревнемъ орденѣ Козмополитовъ или мірограждан.

Иппократъ, какъ повѣствуетъ исторія, засталъ нашего *испытателя* естества при раздробленіи разныхъ животныхъ, коихъ хотѣлъ онъ изслѣдовать внутренній составъ и устроеніе, дабы можетъ быть дойти до причинъ нѣкоторыхъ разностей въ ихъ свойствахъ и склонностяхъ. Сіе упражненіе подало имъ обильную матерію къ разговору, посредствомъ котораго *Демокритъ* не долго остался въ неизвѣстности объ особѣ чужестранца. Взаимное удовольствіе ихъ отъ

отъ толь нечаяннаго свиданія равнялось великости обоюднаго ихъ достоинства; но съ Демокритовой стороны было оно тѣмъ живѣе, чѣмъ долѣе онъ въ своемъ разлученіи со свѣтомъ долженствовалъ лишаться обхожденія съ мудрецомъ себѣ подобнымъ.

Есть родъ смертныхъ, о которыхъ еще у древнихъ въ разныхъ мѣстахъ упоминается подъ именемъ *Козмополитовъ*, то есть, гражданъ міра, и которые — не содержа условій, орденскихъ знаковъ, и ложъ, и не будучи обязаны клятвами, — составляютъ родъ *братства*, крѣпчайшими узами сопряженнаго, нежели какой либо другой орденъ въ свѣтѣ. Два Коз-

Козмополита сходятся, одинъ съ востока, а другой съ запада, и увидѣвъ другъ друга въ первой разъ дѣлаются друзьями — не посредствомъ тайной нѣкоей симпатіи, которая можетъ быть существуетъ только въ романахъ; — не по присяжнымъ должностямъ, ихъ къ тому обязующимъ, — но потому, что они *Козмополиты*. Въ каждомъ другомъ орденѣ есть также и ложные, или по крайней мѣрѣ недостойные братья; напротивъ того въ орденѣ Козмополитовъ сіе не сбыточно, и составляетъ, какъ намъ кажется, не малое преимущество оныхъ предъ всѣми другими обществами, собраніями, орденами и братствами въ свѣтѣ. Ибо гдѣ

изо

изо всѣхъ сихъ есть такое, которое бы похвалиться могло, что никогда среди его не находилось честолюбца, завистника, скупца, лихоимца, клеветника, хвастуна, лицемѣра, двуязычнаго порицателя, ябедника, неблагодарнаго изверга, сводника, ласкателя, подлипалы, раболѣпнаго, человѣка безъ здраваго разума и добраго сердца, ученаго глупца, притѣснителя, лжепророка, обаятеля и придворнаго шута? Козмополиты суть одни, которые тѣмъ похвалиться могутъ. Общество ихъ не имѣетъ нужды таинственными церемонiями и устрашающими обрядами, такъ какъ прежде сего Египетскiе жрецы дѣлывали, исключать отъ себя порочныхъ.

Сіи сами собою исключаются; и Козмополитомъ *казаться* можно столь же мало, когда кто въ самомъ дѣлѣ не *таковъ*, какъ естьли кто можетъ безъ талантовъ выдавать себя за пѣвца или мастера на какомъ нибудь мусикійскомъ орудіи. Обманъ вышелъ бы наружу, какъ скоро стали бы его слушать. *Нельзя никакъ подражать* образу мыслей Козмополитовъ, ихъ правиламъ, ихъ чувствованіямъ, ихъ языку, ихъ хладнокровію, ихъ жару, даже ихъ расположенію духа, слабостямъ и погрѣшностямъ, потому что они для всѣхъ, не принадлежащихъ къ ихъ ордену, суть прямою тайною. Сія тайна есть не такая, которая зависитъ отъ молчаливо-

ливости членовъ, или отъ предосторожности, чтобъ ихъ не подслушали; но тайна, которую сама природа одѣла своимъ покровомъ. Ибо Козмополиты безъ сомнѣнія могли бы возвѣстить оную при гласѣ трубномъ во весь мiръ; они могутъ достовѣрно положиться на то, что кромѣ ихъ самихъ ни одинъ человѣкъ понимать оной не будетъ. При таковомъ обстоятельствѣ дѣла нѣтъ ничего естественнѣе, какъ внутреннее согласiе и взаимная довѣренность, которая между двумя Козмополитами утверждается тотчасъ въ первыхъ минутахъ ихъ знакомства. *Пиладъ и Орестъ*, по двацатилѣтнемъ продолженiи извѣданнаго ихъ всяки-

ми опытами и пожертвованiями дружества, не столько были друзья, какъ первые съ той минуты, когда познакомятся между собою. Дружба ихъ не имѣетъ нужды чрезъ послѣдствiе времени доведена быть до зрѣлости; она не требуетъ никакихъ опытовъ; она основывается на неминуемомъ изъ всѣхъ естественныхъ законовъ, на необходимости любить самихъ себя въ томъ, кто всѣхъ болѣе съ нами сходствуетъ.

Требовать отъ насъ, чтобъ мы о тайнѣ Козмополитовъ объяснились точнѣе, естьли не невозможно, то всеконечно было бы нелѣпо. Ибо (какъ мы уже довольно ясно упомянули) самое дѣло есть такого свойства, что всякое онаго открытiе есть

загадкою, для рѣшенія которой токмо члены сего ордена имѣютъ ключь. Одно токмо можемъ мы еще прибавить то, что число Космополитовъ во всѣ времена было весьма малое, и что они не смотря на *невидимость* ихъ общества, имѣютъ въ вещи сего міра вліяніе, котораго дѣйствія тѣмъ достовѣрнѣе и продолжительнѣе, что не производятъ никакого шуму, и по большей части совершается такими средствами, коихъ *видимое* направленіе обманываетъ глаза простонародной толпы. Для кого сіе служитъ новою загадкою — того просимъ мы лучше читать далѣе, нежели надъ дѣломъ, мало до него касающимся, безъ нужды ломать себѣ голову.

Демокритъ и *Иппократъ* оба принадлежали къ сему чудному и странному роду людей. А потому они уже давно, хотя не вѣдомо, были весьма короткїе друзья; и взаимная ихъ встрѣча уподоблялась паче свиданїю послѣ долговременной разлуки, нежели вновь начинающемуся союзу. Разговоры ихъ, кои читатель можетъ быть узнать желаетъ, уповательно были столь любопытны, что заслуживаютъ сообщены быть. Но они далеко отвели бы насъ отъ Абдеритовъ, кои суть настоящимъ предметомъ сей исторїи. Все, что мы о семъ сказать можемъ, есть то, что наши Козмополиты весь вечеръ и большую часть ночи препровели въ бесѣдѣ, при кото-

рой время показалось имъ весьма кратко, и что они о антиподахъ своихъ, Абдеритахъ, ихъ Сенатѣ, и причинѣ приглашенія Иппократа совершенно позабыли, такъ какъ будто бы такого мѣста и такихъ людей никогда въ свѣтѣ не было.

Слѣдующаго утра, когда они послѣ легкаго сна, не много часовъ продолжавшагося, опять сошлись, дабы на смѣжномъ съ садами Демокритовыми холму насладиться утреннимъ воздухомъ, напомнилъ видъ лежащаго внизу предъ ними освѣщеннаго солнцемъ города Иппократу, что ему въ Абдерѣ поручено дѣло. „Можешь ли ты отгадать, сказалъ онъ другу своему,

ему, за чѣмъ меня призвали Абдериты?,, —

Абдериты тебя призвали? вскричалъ Демокритъ. Я доселѣ не слыхалъ ни о какой заразѣ, между ими свирѣпствующей! Хотя есть извѣстная наслѣдственная болѣзнь, которою всѣ вообще и каждой въ особливости, кромѣ весьма не многихъ, одержимы изъ давнихъ временъ; однако —

,, Отгадалъ, отгадалъ, любезной Демокритъ! точно такъ!,, — Ты шутишь, отвѣчалъ Демокритъ; не уже ли Абдериты почувствовали, чего не достаетъ имъ; я знаю ихъ весьма коротко. Въ томъто и состоитъ ихъ болѣзнь, что они сего не чувствуютъ. —

,, Ме-

,, Между тѣмъ, сказалъ другой, нѣтъ ничего достовѣрнѣе, какъ то, что я теперь не былъ бы въ Абдерѣ, естьлибъ Абдериты не страдали тою самою болѣзнїю, о которой ты говоришь. Бѣдные люди! ,,

Теперь я разумѣю тебя, продолжалъ Философъ. — Приглашенїе тебя могло быть дѣйствїемъ ихъ болѣзни, хотя они того не знали. Постой! — вотъ я добрался. Я бьюсь объ закладъ, что они тебя призвали невинному Демокриту прописать столько кровопусканїя и чемерицы, сколько потребно, чтобъ сдѣлаться имъ подобнымъ! Не правда ли? —

,, Ты совершенно знаешь единоземцовъ своихъ, какъ я ви-

вижу, Демокритъ! И въ самомъ дѣлѣ надобно къ ихъ глупости привыкнуть, такъ какъ ты, чтобъ хладнокровно говорить о томъ,,

Какъ будтобъ не было вездѣ Абдеритовъ, сказалъ Философъ. —

,, Но Абдеритовъ не въ такомъ степени! Прости мнѣ, естьли я объ отчизнѣ твоей могу судить не съ такимъ снисхожденiемъ, какъ ты. Между тѣмъ увѣряю тебя, что я не допущу звать себя по пустому.,,

---

ГЛА-

ГЛАВА VII.

Иппократъ сообщаетъ Абдеритамъ свое мнѣніе. Происшедшія въ разсужденіи сего въ Сенатѣ великія и опасныя движенія, и какъ, по щастію Абдеры, часовой провозвѣстникъ все вдругъ приводитъ опять въ порядокъ.

Время наступило, когда Эскулапъ долженствовалъ учинить донесеніе Сенату Абдерскому. Онъ пришелъ, и ставъ среди собранныхъ старѣйшинъ, говорилъ съ такимъ краснорѣчіемъ, которое привело въ изумленіе всѣхъ присутствовавшихъ: „ Миръ Абдерѣ! Благородные, почтенные, прозорливые и мудрые мужи! вчера хвалилъ я васъ за попеченіе о помѣшанномъ умѣ вашего согражданина Демокрита; сегожъ дня предлагаю вамъ добро-

доброжелательной совѣтъ, сїе попеченїе распространить на весь вашъ городъ и всю вашу республику. Имѣть въ здравомъ тѣлѣ здравую душу есть высочайшее благо, которое можете вы доставить себѣ самимъ, вашимъ дѣтямъ и гражданамъ; и исполненїе сего на самомъ дѣлѣ есть первая ваша, начальники! обязанность. Сколь ни кратко мое между вами пребыванїе, однако оно уже довольно удостовѣрило меня, что Абдериты обрѣтаются не въ толь благополучномъ здравїи, какогобъ желать было должно. Хотя я въ Косѣ родился, и живу то въ Аѳинахъ, то въ Ларисѣ, то въ другомъ мѣстѣ; теперь въ Абдерѣ, завтра можетъ быть отправлюсь въ

Ви-

Византію. Но я не Косской житель, ниже Аѳинянинъ, не Ларисской гражданинъ, ниже Абдеритъ; я врачь. Доколѣ больные находятся на земномъ шарѣ, должность моя есть изцѣлять ихъ столько, сколько могу. Опаснѣйшіе изъ всѣхъ страждущихъ недугами, суть тѣ, кои *не знаютъ*, что они страждутъ, и сей то случай нахожу я между Абдеритами. Ваша болѣзнь слишкомъ превосходитъ мое искусство; но то, что я предпріять могу для *приготовленія* васъ къ излѣченію, есть слѣдующее: пошлите вы съ первымъ попутнымъ вѣтромъ шесть большихъ кораблей въ *Антициру*. Пусть они нагружены будутъ туда такими товарами, какіе Абдеритамъ

тамъ за благоразсудятся; но въ Антицирѣ велите всѣ шесть кораблей нагрузить чемерицею столько, сколько они понести могутъ, чтобъ не потонуть. Хотя можно чемерицу получить и изъ Галатїи, которая нѣсколько дешевлѣ; но она въ Антицирѣ самая лучшая. Когда корабли прибудутъ: то повелите созвать весь народъ на большомъ вашемъ торжищѣ; учредите подъ предводительствомъ всего вашего духовенства торжественной ходъ ко всѣмъ храмамъ въ Абдерѣ, и молитесь Богамъ, чтобъ они Сенату и народу Абдеритскому даровали то, чего *недостаетъ* имъ. По томъ возвратитесь паки на торжище, и все количество чемерицы на счетъ обще-

общественной раздѣлите между всѣми гражданами на каждаго по семи фунтовъ, не позабывъ при томъ совѣтникамъ, кои кромѣ того, что они за себя самихъ употреблять будутъ, еще за многихъ другихъ разумъ и смыслъ имѣть должны, определить двойную долю! Признаюсь, что сїи порцїи велики; но и закоренѣлыя болѣзни весьма упорны, и токмо продолжительнымъ употребленїемъ лѣкарствъ исцѣлены быть могутъ. Когда вы симъ предуготовительнымъ средствомъ по предписанїю моему, которое дамъ вамъ, чрезъ потребное время воспользуетесь, тогда предоставлю я васъ другому врачу. Ибо, какъ я выше сказалъ, болѣзнь Абдеритовъ слишкомъ

комъ превосходитъ мое искусство. Я знаю въ разстояніи отъ Абдеры на пятдесятъ миль токмо одного человѣка, которой можетъ совершенно пособить вамъ, естьли терпѣливо и послушно предадитесь его лѣченію. Онъ называется Демокритомъ, сыномъ Дамазипповымъ. Не соблажняйтесь тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ родился въ Абдерѣ; онъ для сего еще не Абдеритъ; въ семъ можете вы положиться на мое слово; естьлижъ въ томъ не хотите мнѣ повѣрить, то спросите самого Аполлона Делфійскаго. Онъ добродушной человѣкъ, и почтетъ себѣ за удовольствіе оказать вамъ свои услуги. И за симъ, почтенные мужи и граждане Абде-

деритскіе, я препоручаю Богамъ васъ самихъ и вашъ городъ. Не презрите моего совѣта, *туне* мною предлагаемаго; онъ самой лучшій, какой токмо я давалъ больному, почитавшему себя за здороваго!,,

Иппократъ сказавъ сіе поклонился учтиво Сенату, и пошелъ своею дорогою.

Никогда — повѣствуетъ историкъ Гекатей, тѣмъ достовѣрнѣйшій свидѣтель, что онъ самъ былъ Абдеритъ (*) — никогда двухъ сотъ человѣкъ, всѣхъ вмѣстѣ, не видали въ толь странномъ положеніи, въ какомъ тогда нахо-

(*) По нещастію всѣ его сочиненія затеряны. См. Recherches sur Hecatée de Milet, Tom. IX. des Mém. de Litterat.

находился Сенатъ Абдерскій; онъ уподоблялся двумъ стамъ Финикіанамъ, которыхъ Персей видомъ головы *Медузиной* вдругъ превратилъ во столькожъ статуй, когда предводитель ихъ Финей хотѣлъ насильно опять у него отнять его возлюбленную и дорого пріобрѣтенную Андромеду (**). Въ самомъ дѣлѣ имѣли они всѣ возможныя причины въ свѣтѣ, сдѣлаться на нѣсколько минутъ окаменѣлыми. Тщетно бы мы старались описывать, что въ душахъ ихъ происходило. Въ нихъ не происходило *ничего*; ихъ души были столькожъ окаменѣлы, какъ и тѣла ихъ. Съ глупымъ и безмолвнымъ изумле-

(**) Ovid Metamorph. L. V. v. 218.

умленїемъ они всѣ устремили глаза на ту дверь, въ которую вышелъ Эскулапъ; и на лицѣ каждаго изображалось усилїе и купно невозможность понять что либо изъ сего приключенїя. Наконецъ казалось, что они мало по малу, нѣкоторые ранѣе, другїе позже, начали опять приходить въ себя. Они съ удивленїемъ смотрѣли другъ на друга. Пятдесятъ ртовъ отворялись вмѣстѣ для одного и того же вопроса, и опять зажимались; потому что разинуты были прежде, нежели они знали, *о чемъ* спросить. Что за дьяволыщина, вскричалъ наконецъ цеховой мастеръ *Пфримъ*, Государи мои! я уже думаю, что этотъ пустомѣля двойною своею пор-

ціею чемерицы хочетъ насъ одурачить! — Я съ самаго начала не ожидалъ отъ него ничего хорошаго, сказалъ Тразиллъ. — Моей женѣ вчера онъ совсѣмъ не приглянулся, говорилъ Совѣтникъ *Смилаксъ*. — Я думалъ тогдажъ, что кромѣ худаго ничего не выдетъ, какъ онъ заговорилъ о шести корабляхъ, которые мы въ Антициру послать должны, сказалъ другой. — И съ какою проклятою важностію онъ все это проповѣдывалъ намъ, вскричалъ третій; признаюсь, что я себѣ никакъ вообразить не могъ, чѣмъ это дѣло кончится. — Ха, ха, ха! по чести забавной случай, сказалъ *малорослой толстой Совѣтникъ*, поддерживая себѣ отъ смѣху пузо; при-

знать-

знаться, что мы славно отпотчиваны. Безподобная насмѣшка? вотъ до чего мы себя допустили! Ха, ха, ха! — Но ктожъ отъ него этова и надѣяться могъ? вскричалъ Номофилаксъ. — Безъ всякаго сомнѣнія онъ одинъ изъ вашихъ Философовъ, сказалъ цеховой мастеръ; жрецъ Стробилъ право не обманулся; естьлибъ не противно было нашей вольности, то я первой бы предложилъ, чтобъ всѣхъ такихъ остряковъ выгнать изъ отечества нашего метлами.

„Государи мои! началъ тогда говорить Архонтъ; честь города Абдеры оскорблена, и вмѣсто того, чтобъ намъ здѣсь сидѣть и удивляться, или дѣлать замѣча-

нія свои, подумаемъ лучше съ важностію о томъ, какъ намъ въ толь щекотливомъ дѣлѣ поступить должно. Прежде всего велимъ посмотрѣть, куда Иппократъ дѣвался!„

Вѣстовой, которой на сей конецъ посланъ былъ, спустя долгое время возвратился съ извѣстіемъ, что его нигдѣ уже отыскать не можно.

Проклятая шутка будетъ сыграна, вскричали Совѣтники единогласно, естьли онъ теперь вырвется изъ рукъ нашихъ! — Не думаю, чтобъ онъ былъ колдунъ, сказалъ цеховой мастеръ Пфримъ, взглянувъ на свою ладанку, которую онъ обыкновенно на себѣ нашивалъ для безопасности отъ злыхъ духовъ и урочливыхъ глазъ.

Вско-

Вскорѣ по томъ донесено было, что видѣли чужестранца весьма покойно скачущаго рысью на лошакѣ своемъ позади храма Дїоскуровъ (*) въ помѣстье Демокритово.

„Что теперь дѣлать, Государи мои?„ сказалъ *Архонтъ*.

Да — правда! что теперь дѣлать — что теперь дѣлать? Это то и спрашивается! вскричали Совѣтники смотря другъ на друга. По долгомъ молчанїи оказалось, что сїи Господа не знали, что тогда дѣлать надлежало.

Иппократъ въ великой силѣ у Царя Македонскаго, продолжалъ *Архонтъ*; его во

(*) Такъ называли сыновей Юпитеровыхъ.

всей Грецiи почитаютъ вторымъ Эскулапомъ! Мы могли бы удобно замѣшаться въ худыя обстоятельства, естьлибъ захотѣли внять растроганнымъ, хотя впрочемъ справедливымъ нашимъ чувствованiямъ. При всемъ томъ честь Абдеры на сердцѣ у меня —

Смѣю перервать рѣчь вашу, Г. *Архонтъ*! сказалъ *цеховой мастеръ Пфримъ*; честь и свобода Абдеры не лежитъ ни у кого ближе къ сердцу, какъ у меня самаго. Но разсудя обо всемъ обстоятельно, право не вижу, почему честь нашего города можетъ относиться къ сему происшествiю. Этотъ Арпократъ или Ипокритъ, какъ онъ ни называется, есть врачь; и я въ жизни моей слы-

хАлъ,

халъ, что врачь весь свѣтъ почитаетъ большимъ гошпиталемъ, и всѣхъ людей своими больными. Всякъ говоритъ и дѣлаетъ, что разумѣетъ; и чего кто желаетъ, тому охотно и вѣритъ. Для Ипокрита, кажется мнѣ, не худо бы было, естьлибъ мы всѣ занемогали, чтобъ онъ тѣмъ болѣе лѣчить могъ. Онъ думаетъ въ себѣ, когда де я только доведу ихъ до того, что они примутъ мое лѣкарство, то они сдѣлаются у меня довольно больными. Не будь я мастеръ Пфримъ, естьли не въ этомъ заключается вся тайность.

По чести! точно такъ, вскричалъ малорослой толстопузой Совѣтникъ; точь въ точь! Онъ не дуракъ! — Я

бьюсь объ закладъ, что есть-ли ему дать волю, то онъ навяжетъ намъ на шею всѣ возможныя простуды и лихорадки, дабы только позабавиться, и вылѣчить насъ послѣ за собственныя наши деньги! Ха, ха, ха!

„ Но четыренатцать фунтовъ чемерицы на каждаго Совѣтника! вскричалъ одинъ изъ старѣйшинъ, котораго мозгъ, судя по его виду, уже совершенно загрубѣлъ. Клянусь всѣми лягушками Латоны, что это чрезъ чуръ! Почти подозрѣвать должно, что тутъ кроется что нибудь болѣе!„

Четыренатцать фунтовъ чемерицы на каждаго Совѣтника! повторилъ *Пфримъ*, помирая со смѣху. —

И

И на каждаго *цеховаго мастера*, примолвилъ *Смилаксъ* съ многозначущимъ тономъ.

Прошу меня простить, вскричалъ первой; о цеховыхъ мастерахъ не сказано ни слова.

Однако я думаю, что это разумѣется само по себѣ, продолжалъ *Смилаксъ*; Совѣтники и цеховые мастера, цеховые мастера и Совѣтники; я не вижу, для чегобъ господа цеховые мастера имѣли въ семъ какое нибудь отличїе.

Что, какъ? вскричалъ *Пфримъ* съ великимъ жаромъ; ты не видишь, что цеховые мастера предъ Совѣтниками имѣютъ отличнаго? — Прошу прислушать государи мои!

мои! — Г. городовой писарь, запишите это въ протоколъ.

Цеховые мастера съ великимъ ропотомъ встали всѣ съ своихъ мѣстъ.

„Не говорилъ ли я, вскричалъ старой ипохондрической Совѣтникъ, что тутъ кроется что нибудь болѣе? Навѣрно тайной умыселъ противъ *аристократiи*. — Но сiи господа обнаружили себя прежде времени.„

Противъ аристокритiи? возвысилъ голосъ свой *Пфримъ*; противъ какой аристократiи? Что за дьявольщина; Г. Совѣтникъ, съ котораго времени Абдера учинилась аристократiею? Развѣ мы цеховые мастера только на стѣну рисованы? Не представляемъ ли и мы народъ? Не засту-

ступаемъ ли и мы его правъ и вольностей? Г. городовой писарь внесите въ протоколъ, что я противъ всякаго возраженія протестую почтенному цеху, такъ какъ и городу Абдерѣ —

Протестуемъ! протестуемъ! возопили цеховые мастера всѣ въ одинъ голосъ.

Протестуемъ напротивъ! протестуемъ вопреки! вопили за ними въ слѣдъ Совѣтники.

Поднялся ужасной шумъ. „Государи мои! закричалъ правительствующій *Архонтъ* изо всей мочи, что вамъ вскружило головы? Прошу васъ, подумайте, кто вы, и гдѣ вы! Что заключатъ объ насъ торговки яйцами и овощьми, которыя сидятъ внизу, когда услы-

услышатЪ, что мы кричимЪ, какЪ будтобЪ у насЪ горла рѣжутЪ.

Но гласЪ мудрости оставался невнятнымЪ вЪ заглушающемЪ шумѣ. Никто не слышалЪ и собственныхЪ словЪ своихЪ.

По щастїю сЪ незапамятуемыхЪ временЪ былЪ вЪ Абдерѣ обычай, точно вЪ двенатцать часовЪ имѣть по всему городу обѣденной столЪ; и вЪ силу учрежденїя Сенатскаго, какЪ скоро пройдетЪ которой часЪ, надлежало герольду предстать предЪ Совѣтную комнату, и провозгласить часЪ.

Милостивые государи! кричалЪ провозвѣстникЪ голосомЪ Гомерова *Стентора, двенатцать часовЪ пробило!*

Тише;

„Тише; часовой возглашаетъ!„ — Что ты прокричалъ? — „*Двенатцать*, *Государи мои, двенатцать пробило*!„ — Не уже ли двенатцать? — Уже пробило? — Такъ пора намъ расходиться!

Большая часть Совѣтниковъ были званы въ гости. И такъ кстати выговоренное слово *двенатцать* поселило въ нихъ вдругъ прiятныя представленiя, съ предметомъ ихъ ссоры ни малѣйшей связи не имѣвшiя. Скорѣе, чѣмъ фигуры въ райку перемѣняются, представился глазамъ ихъ великолѣпной столъ, уставленной множествомъ вкусныхъ блюдъ; обонянiе ихъ насыщалось предварительно сладчайшимъ запахомъ, слухъ ихъ наполнялся стукомъ тарѣлокъ, языкъ

ихЪ уже отвѣдывалЪ отмѣнныя похлебки, вЪ изобрѣтенiи которыхЪ Абдеритскiе повара старались наперерывЪ другЪ передЪ другомЪ: кратко сказать, *мечтательной пирЪ* занималЪ всѣ ихЪ душевныя силы; и вдругЪ спокойствiе Абдерской республики было возстановлено по прежнему.

„Гдѣ вы сего дня будете кушать? — У *Полифонта* —„ Туда и я званЪ.„ — Я радуюсь, что буду имѣть честь, быть вЪ вами вЪ компанiи. — „Весьма много чести для меня!„ — Какая будетЪ у насЪ ввечеру комедiя? — „*Андромеда Эврипидова*.„ — И такЪ трагедiя! — „О это моя любимая пiэса! — А музыка! Между нами сказано,

Номо-

Номофилаксъ самъ сочинилъ нѣсколько хоровъ; вы чудеса услышите!,,

При толь тихихъ разговорахъ старѣйшины Абдеритскїе поднялись скорыми, но мирными толпами изъ Сената, къ великому удивленїю торговокъ яйцами и овощьми, которыя не задолго предъ тѣмъ слышали раздававшїйся настоящїй Фракїйской крикъ въ стѣнахъ Совѣтной комнаты.

За все сїе почтенные Члены обязаны были тебѣ одному, *благодѣтельной провозвѣстникъ часовъ*! Безъ твоего щастливаго прибытїя вѣроятно распря Совѣтниковъ и цеховыхъ мастеровъ, подобно гнѣву Ахиллесову, (сколь ни смѣшонъ былъ къ ней по-

 водъ)

водѣ) превратилась бы вѣ пламя, могущее причинить ужаснѣйшее опустошенiе, естьли не совершенное испровержение всей республики Абдерской. — Естьли кто нибудь изѣ Абдеритовѣ заслуживалѣ награжденѣ быть публичнымѣ памятникомѣ, то это конечно былѣ сей часовой провозвѣстникѣ; хотя должно признаться, что великая услуга, имѣ вѣ сiю минуту отечеству своему оказанная, теряетѣ все свое достоинство по одному обстоятельству, что онѣ только *случайно* сдѣлался полезнымѣ! Ибо сей доброй прислужникѣ, возглашая вѣ опредѣленное время, механически двенатцать часовѣ, отнюдѣ не думалѣ о необозримыхѣ бѣдствiяхѣ, которыя

онѣ

онъ чрезъ то отвратитъ отъ республики. Но напротивъ того должно подумать также, что съ незапамятуемыхъ времен ни одинъ Абдеритъ другимъ образомъ не оказывалъ заслугъ своему отечеству. И такъ, естьли случалось, что они *по какому либо щастливому обстоятельству* дѣлались полезными городу, то благодарили за то Боговъ; ибо чувствовали, что они содѣйствовали токмо какъ орудія или *случайныя причины*. Между тѣмъ они присвоивали себѣ услугу случая, какъ бы она была ихъ собственная; или лучше сказать: поелику они сами въ себѣ никакихъ заслугъ не чувствовали, то пользу, которую подъ ихъ именемъ производилъ слу-

случай, присвоивали себѣ такъ, какъ погоньщикъ можетъ взять на свой счетъ ежедневныя заслуги своего осла.

Разумѣется, что здѣсь рѣчь идетъ токмо объ Архонтахъ, Совѣтникахъ и цеховыхъ мастерахъ. Ибо бѣдной провозглашатель часовъ, сколькобъ ни оказалъ заслугъ республикѣ, получалъ свои шесть копѣекъ въ день чистою Абдеритскою монетою, и за тѣмъ — прощай!

Конецъ второй книги.

